#7 (39) 15 сентября 2012 года

ВОЛЯ

воля — газета свободомыслящих людей, выходит с августа 1989 года

действовать напрямую —

без «координационного совета»

Представительная демократия — вещь весьма странная и противоречивая. Избирателю предлагают проголосовать за людей, с которыми они лично не знакомы и контроль за которыми осуществлять крайне трудно, за партии, которые представляют чьи угодно интересы, только не интересы избирателя. Рычаги для отзыва депутатов в случае невыполнения ими предвыборных обещаний предусматривает только так называемый императивный мандат. Но так как наличие такого мандата профессиональным политикам предоставляет сплошные неудобства — поскольку такая форма управления не даёт депутатам «самореализовываться» — никто из них, разумеется, внедрять его не рвётся.

Когда минувшей зимой поднялась волна протестов против нечестных выборов, весь гнев был направлен против «партии жуликов и воров», ибо она добилась своей победы путём фальсификаций и применения других махинаций из репертуара современного российского истеблишмента. Но если представить себе на минуту, что «партия жуликов и воров» могла бы одержать победу, хоть и с менее убедительным результатом, но всё же победу, и не напрямую жульничая, а путем «честных выборов» — это коренным образом изменило бы ситуацию? Партия стала бы менее жульнической и перестала бы воровать там где только можно? Конечно же нет. А случись чудо и победит какая-нибудь другая партия с чуть менее одиозной репутацией, что тогда? В общем-то, то же самое.

Механизмов осуществления реального контроля за депутатами не существует, вы их не отзовёте, когда окажетесь недовольны их работой, и у вас бы всё равно никто не спросил, что вы думаете по тем или иным делам первостепенной государственной важности, да и по делам десятистепенной важности вас так же ни один политик, ни один чиновник и ни один президент не спросит. Но если честно, то это процесс обоюдный. Ведь ни от депутатов, ни от президента не требуют, чтобы они спрашивали. Они должны принимать правильные решения, быть «честными»!

В ходе протестов возникли разные инициативы демократического характера. Одни носятся с идеей провести референдум, другим по старой традиции душа подсказывает взяться первым делом за российскую Конституцию. Звучит логично — сначала разработаем и утвердим основной закон, а затем выстроим вертикаль новой власти в соответствии с Конституцией. Невзирая на трудности воплощения в жизнь этой затеи, она вероятно достойна обсуждения, хотя при нынешнем положении дел новая Конституция вряд ли что-то изменит, соблюдать её всё равно никто не будет. Но самое удивительное заключается в том, что оппозиционерам конституционная логика кажется убедительной исключительно когда речь идет о «большой», т.е. о кремлёвской политике. «Единороссы», никто не сомневается, по определению не знакомы с демократическими процедурами, да и с их идеологической подоплёкой, а про существование Конституции они вспоминают разве что раз в год 12 декабря. В отношении собственной преданности Конституции оппозиционеры менее разборчивы. Хотя вполне оправдан вопрос, знакомы ли с какой бы то ни было демократической формой управления сами представители оппозиции? Глядя на эпопею с выборами в так называемый «Координационный совет» оппозиции, назначенными на 20/21 октября сего года, можно смело утверждать, что и в «небольшой» оппозиционной политике дела с демократией обстоят весьма печально.

По процедурной части вроде всё чисто — современные интернетовские технологии, контроль за ходом голосования и изобилие голосов для каждого желающего. На первый взгляд это напоминает своеобразный тренинг для избирателей и избираемых. Только совершенно непонятно, за что голосуем, точнее, сама цель голосования как раз предельно ясна и прозрачна. Выборы в КС призваны выразить доверие тем, кто начиная с декабря 2011 года представительствовал во имя разгневанных избирателей без особого на то мандата, и легализовать раскрученные медиа-фигуры, которые вполне закономерно должны набрать больше всех голосов. Но какие задачи избранные члены КС должны решать? Перед кем они несут ответственность? Какие у них предусмотрены полномочия? Кто именно определит и присвоит им полномочия и по какой процедуре? Кто сформирует повестку дня?

«Лидеры» либеральной оппозиции и её немногочисленные союзники из около-левого лагеря, а также ради новейшего политического тренда преобразовавшиеся в «демократы а ля рюсс» националисты ответы знают заранее — это они сами решат, с какой повесткой штурмовать Кремль. И политические силы, привычно называемые оппозицией, пока не спешат опровергнуть такой нерадужный прогноз. Все попытки формирования

устойчивой и, что важнее, легитимной формы представительства оппозиционной мысли сводятся к процедурным вопросам. О том, как мы сами себе представляем наше будущее, говорить негде и, похоже, не с кем. Хотя, безусловно, есть о чем поговорить: о введении платного образования, о преобразовании системы здравоохранения в систему смертеутверждения, о том, что творится в области ЖКХ и т.д., и т.п. Решение конкретных проблем, тем более социального характера, якобы является задачей второстепенной. По крайней мере, это нам внушают с высоких трибун, куда пускают только тех, кто проходит фэйс-контроль у Навальных и Ко. Зато есть кому организовать выборы в «Координационный совет» и есть кому продвигать идею о его мнимой легитимности, главное — выборы пройдут честно.

Наступила осень. Если попробовать вспомнить главное политическое и общественное событие с момента, когда население проснулось от многолетней зимней спячки, то долго думать не приходится. Речь идёт о том, чего ныне так остро не хватает — об опыте прямой демократии, а не опосредованной. Меньше десяти дней продолжалась настоящая «русская весна», т.е. #оккупайАбай, тем не менее, эти слишком короткие дни позволили протестному движению начать самостоятельно размышлять над тем, каким именно должно быть общество, в котором жить хочется. Делегировать свой голос там никому не приходилось, каждый и каждая были призваны участвовать ровно в той мере и той форме, как им этого хотелось. Неготовность отстаивать принципы прямой демократии закончилась первым этапом краха оппозиционного движения, а выборы в «Координационный совет» превратят его в фарс.

Ульяна Печерская
фото: anatrrra

о выборах в «Координационный совет российской оппозиции»

Постановление Форума левых сил

С выступления левых и социальных организаций на площади Революции 4 декабря 2011 года началась массовая кампания протеста против антидемократического режима в России. Грубые нарушения законодательства действующей властью, а также глубокое социальное неблагополучие привели к вовлечению в эту кампанию тысяч граждан России самого разного социального положения и взглядов. Режим объединил против себя и левых, и правых. Первый натиск оппозиции привёл к испугу правителей России и некоторым политическим уступкам. Затем режим перешёл к репрессиям, стремясь подавить протест.

Левые силы приняли активное участие в массовом движении оппозиции, выдвигая своё видение демократии — не как власти политических элит, а как действительного народовластия, неотделимого от кардинального улучшения социального положения трудящихся, преодоления чудовищного имущественного расслоения. Под влиянием левых идей оппозиционное движение продолжает развиваться. Свидетельством его растущей зрелости стало принятие на Марше миллионов 12 июня социальных требований на основе документа Форума левых сил.

*В то же время, с самого начала движения не прекращаются попытки либеральных и популистских политиков, включая националистов, приватизировать протест и использовать его в корыстных политических целях. Эти политики либо не объявляют, к какому обществу они стремятся, действуя подобно популистам-ельцинистам 1980-х гг., либо прямо заявляют, что готовы вернуться к временам Ельцина, а то и к теократической монархии. Мы считаем, что такой курс абсолютно неприемлем для большинства граждан России. Если оппозиционное движение будет идти таким путём, оно принесёт больше вреда России, чем пользы, и в лучшем случае останется изолированным от широких масс трудящихся. Мы считаем, что п***нский режим — логичное продолжение ельцинского, что это — две формы бесчеловечного и грабительского периферийного капитализма.*

Либерально-популистские лидеры формируют авторитарную модель оппозиции, систематически отвергают попытки установить действительно демократический контроль над ними со стороны актива массового движения. Новой попыткой закрепить эту вождистскую модель становятся «выборы в Координационный совет российской оппозиции». Правила этих выборов обсуждались кулуарно, без широкой публичной полемики. Были приняты популистские правила выборов, при которых голосование происходит не по спискам организаций с явно выраженной программой, а за отдельных лиц. Особенно цинично выглядит требование платить деньги за выдвижение кандидатуры в размере хорошей средней зарплаты трудящегося (конечно — ничтожная сумма для представителей буржуазии). При таком голосовании явное преимущество получают персоны, раскрученные средствами массовой информации начиная с тех времен, когда нынешние оппозиционеры были частью Системы, против которой мы сегодня боремся. Такие правила дают явное преимущество тем лицам, за спиной которых стоит капитал.

Между тем массы доказали свою способность к самоорганизации и наглядно продемонстрировали, что не нуждаются в таких псевдовождях.

В связи с этим мы считаем, что выборы в данный КС не являются подлинно демократическими. Мы рекомендуем участникам левых организаций бойкотировать эти выборы.

Если левые активисты будут избраны в КС, они будут нашими наблюдателями, но не представителями в этом органе. Организации, входящие в ФЛС, не будут связаны дисциплиной КС, будут считать этот орган представителем только части оппозиционного движения, с которой ФЛС готов на паритетной основе сотрудничать в той мере, в которой совпадают наши задачи борьбы за народовластие и гражданские свободы в России.

(принято 8 сентября 2012)
фото: anatrrra

Так много слов было сказано в последние недели и месяцы о группе Pussy Riot и её попытке, совместно с Богородицей, избавить Россию от П***на, что добавлять несколько сотен своих слов мне очень долго в голову не приходило — пока я не прочёл, кажется, всё, что опубликовано в медиа про Pussy Riot по-русски и не понял, что почти всё это — не о том (исключение, пожалуй, составляют, последние слова подсудимых участниц группы, интервью с Надеждой Толоконниковой, опубликованное на сайте Colta.Ru 1 августа, и текст Игоря Гулина «Зеркальное действие» о всей этой довольно безумной ситуации, опубликованный на том же сайте в тот же день).

С самого начала публичной общественной деятельности группы Pussy Riot их послание обществу было довольно лаконичным, ясным, внятным, как слово «пизда», написанное на заборе (помню, в Питере, прямо на выходе из знакомой подворотни, весной 2003-го появилось лаконичное утверждение: «300 лет пизды», — и всем сразу было понятно, про что это, зачем, кому адресовано и что означает — настолько понятно, что надпись лет шесть не решались закрасить, хотя украшала она одну из не самых безвестных улиц центра Петербурга).

Но с самого начала участницам группы приходилось каждый свой вздох, каждую ноту и каждый взмах ноги подробнейшим образом объяснять, как будто они инопланетяне.

Я сначала тоже поддался этой магии, думал: ну ладно, Россия — страна в каком-то смысле дикая, она хоть и была родиной авангарда 100 лет назад, ей до сих пор надо объяснять, что такое современное искусство, и даже наличие в ближайшем прошлом такого гения панка, как Егор Летов, не прибавило отечественным обывателям (и отечественным интеллигентам, в том числе) понимания того, что есть панк и каково его место в нашей и вообще во всемирной жизни.

Стало быть, задачей журналистики на тему Pussy Riot я видел разъяснение «неумытой» России отдельных гигиенических тонкостей (а то у нас даже седобородые спецы с прищуром до сих пор полагают, что панки должны чем-то не тем пахнуть и ходить в грязном, а если они пахнут нормально и ходят в ярком, так это якобы не панки, а фэйк; надо бы, кстати, большинство высказывающихся об искусстве и политике тоже как-нибудь проверить, не фэйковые ли они эксперты, не фальшивые ли говоруны).

Но иногда наступает в душе предел выносливости, подобный тому моменту, когда желудок больше не терпит человеческих над ним истязаний и выталкивает всю массу накопленного обратно рвотой, через горло. Этот предел у меня наступил в день приговора Марии Алёхиной, Екатерине Самуцевич и Надежде Толоконниковой, 17 августа.

Мне кажется, если кто-то до 17 августа 2012 года не понимал, что действия Pussy Riot — никакое не хулиганство, что послание группы напрямую политическое и напрямую гуманитарное (а ведь именно об этом они всё время говорили прямым текстом — об авторитарной власти в России и об угнетении женщин), то не понимать этого теперь, после приговора, мотивированного исключительно политическими и антигуманными позывами отправляющих власть в нашей стране, стало уже невозможно. И если кто-то этого всё ещё не понимает, то вряд ли публицистика способна таким людям помочь, тут надо заново в первый класс топать, а то, может, и в детский сад. Только надо подобрать такой детский сад и такую школу, где будут преподавать не «Закон божий», уши которого вылезают из курса «Основ православной культуры», а светскую этику. И ещё я бы преподавал политологию и социологию — тоже, пожалуй, с детского сада. Потому что уже в детском саду дети вступают друг с другом и со взрослыми во вполне политические отношения. У нас этого не преподают и не преподавали, но не преподавали и «Закона божьего», так что Маша, Катя и Надя сами во всём разобрались и вырастили себя людьми политики и искусства, но прежде всего — людьми думающими, людьми смелыми и достойными.

Pussy Riot, возможно, не рассчитывали на такую взрывную силу своего эксперимента, который они поставили над политической властью в России (в её мнимо светской и мнимо религиозной форме), но теперь остаётся признать, что эксперимент полностью удался. Говоря короче, они просто уделали власти нашей страны. Теперь только душевно чёрствый и умственно тупой человек не видит, что суть этой власти — мерзость.

И за это женщинам из Pussy Riot — большое спасибо! Всем — и тем, кто за решёткой, и тем, кто, слава Кропоткину, на свободе.

Свободу Pussy Riot! Свободу политзаключённым!

С приветом,
Влад Тупикин

Москва, «Марш миллионов» 12 июня 2012 г. Фото: anatrrra

Екатерина Самуцевич

Последнее слово на процессе Pussy Riot

На последнем слове от подсудимого обычно ждут либо раскаяния, либо сожаления о содеянном, либо перечисления смягчающих обстоятельств. В моём случае, как в случае моих коллег по группе, мне [это] совершенно не нужно. Вместо этого я хочу высказать свои соображения по поводу причин произошедшего с нами. То, что Храм Христа Спасителя стал значимым символом политической стратегии наших властей, многим думающим людям стало понятно ещё с приходом на руководящий пост русской православной церкви бывшего коллеги Владимира Владимировича Путина, Кирилла Гундяева. После чего Храм Христа Спасителя начал откровенно использоваться в качестве яркого интерьера для политики и силовых спецслужб, являющихся основными источниками власти.

Почему Путину вообще понадобилось использовать православную религию и её эстетику? Ведь он мог воспользоваться своими куда более светскими инструментами власти. Например, национальными корпорациями, или своей грозной полицейской системой, или своей послушной судебной системой. Возможно, дело в том, что жёсткая неудачная политика правительства Путина, инцидент с подводной лодкой «Курск», взрывы домов мирных граждан средь бела дня, и другие неприятные моменты в его политической карьере, заставили задуматься о том, что ему уже давно пора сделать самоотвод. Иначе в этом ему помогут граждане России. Видимо, именно тогда ему понадобились более убедительные трансцендентные гарантии своего долгого пребывания на вершине власти. Здесь и возникла потребность использовать эстетику православной религии, исторически связанной с лучшими имперскими временами России. Где власть шла не от таких земных проявлений, как демократические выборы гражданского общества, а от самого бога.

Как же ему это удалось? Ведь у нас всё-таки светское государство. И любое пересечение религиозной и политической сфер, должны строго пресекаться в нашем бдительном, политически мыслящем обществе. Видимо здесь власти воспользовались определённой нехваткой православной эстетики в советское время. Когда православная религия обладала ореолом утраченной истории, чего-то задавленного и повреждённого советским тоталитарным режимом, и являлась тогда оппозиционной культурой. Власти решили апроприировать этот исторический эффект утраты и представить свой новый политический проект по установлению утраченных духовных ценностей России, имеющий весьма отдалённое отношение к искренней заботе о сохранении истории и культуры православия. Достаточно логичным оказалось и то, что именно русская православная церковь, давно имеющая мистические связи с властью, явилась главным идейным исполнителем этого проекта.

При этом было решено, что русская православная церковь, в отличие от советского времени, где церковь противостояла прежде всего грубости власти по отношению к самой истории, должна так же противостоять всем пагубным проявлениям современной массовой культуры с её концепцией и разнообразием толерантности. Для реализации этого интересного во всех смыслах политического проекта потребовалось немалое количество многотонного профессионального светового и видеооборудования, эфирного времени на центральных каналах для прямых и многочасовых трансляций. И, в последующем, многочисленных подсъёмок к укрепляющим мораль и нравственность новостным сюжетам, где и будут произноситься стройные речи патриарха, помогающие верующим сделать правильный политический выбор, в тяжёлые для Путина предвыборные времена. При этом все съёмки должны проходить непрерывно. Нужные образы должны врезаться в память и постоянно возобновляться, создавая впечатление чего-то естественного, постоянного и обязательного. Наше внезапное музыкальное появление в Храме Христа Спасителя с песней «Богородица, Путина прогони» нарушило цельность этого так долго создаваемого и поддерживаемого властями медийного образа, выявило его ложность.

В нашем выступлении мы осмелились без благословления патриарха совместить визуальный образ православной культуры и культуры протеста. Наведя умных людей на мысль о том, что православная культура принадлежит не только русской православной церкви, патриарху и Путину, она может оказаться на стороне гражданского бунта и протестных настроений в России. Возможно, такой неприятный масштабный эффект от нашего медийного вторжения в храм стал неожиданностью для самих властей. Сначала они попытались представить наше выступление как выходку бездушных воинствующих атеисток. Но сильно промахнулись, так как к этому времени мы уже были известны как антипутинская панк-феминистская группа, осуществляющая свои медианабеги на главные политические символы страны. В итоге, оценив все необратимые политические символические потери, принесённые нашим невинным творчеством, власти всё-таки решились оградить общество от нас и нашего [неразборчиво] мышления. Так закончилось наше непростое панк-приключение в Храме Христа Спасителя.

У меня сейчас смешанные чувства по поводу этого судебного процесса. С одной стороны, мы сейчас ожидаем обвинительного приговора. По сравнению с судебной машиной, мы никто, мы проиграли. С другой стороны, мы победили. Сейчас весь мир видит, что заведённое против нас уголовное дело сфабриковано. Система не может скрыть репрессивный характер этого судебного процесса. Россия в очередной раз выглядит в глазах мирового сообщества не так, как пытается себе представить Владимир Путин в своих каждодневных международных встречах. Все обещанные им шаги на пути к правовому государству очевидно так и не были сделаны. А его заявление о том, что суд по нашему делу будет объективен, и [будет] вынесено справедливое решение, является очередным обманом всей страны и мирового сообщества. Всё, спасибо.

[Использованы публикации сайта радио «Эхо Москвы» и сайта «Лента.Ру»]
фото: www.vmdaily.ru

2 принципа Станислава Маркелова: право и справедливость[1]

1. Два понятия, или принципа, направляли деятельность Станислава Маркелова (1974-2009) как адвоката и активиста: верховенство права и справедливость. В российском контексте оба эти понятия нередко получают лишь риторическое существование и привязку к противоположным полюсам мира политики. Верховенство права — наступательная машина либералов, справедливость — бастион левых и популистов. Порой водораздел рассекает политический мир самым неожиданным и курьёзным образом: Дмитрий Медведев — сторонник права без социальной справедливости, Владимир П***н — апологет «народной» справедливости без универсального права.
В отличие от большинства российских политиков и теоретиков, Маркелов просто и умело соединял эти два принципа, придавая им практический характер. И при создании сети правовой поддержки активистов «Институт верховенства права», и в ведении самых безнадёжных, казалось бы, судебных дел они были реализованы в трёх своих измерениях. Во-первых, как равенство перед законом гражданских лиц и военных или полицейских, общественных активистов и чиновников, солдат и офицеров. Маркелов последовательно выступал в защиту прав слабейшей стороны во многих своих резонансных и не столь известных делах. Во-вторых, как единство судебных решений вне зависимости от судьи или региона. Произвол российских судей в решениях по стереотипным делам заставлял его с особой симпатией оценивать опыт английского прецедентного права. В-третьих, как общность закона на всей территории России, откуда даже высшие государственные чиновники склонны регулярно исключать Чечню или даже весь Северный Кавказ.

2. Последовательно и успешно реализуя этот подход в своей практике, Маркелов отнюдь не был педантом-законником. Своей рецензии на Конституцию РФ он дал спорное и красноречивое заглавие: «Не читайте эту книгу». В основу текста он положил тезис о ключевом изъяне российского правоприменения: законодатели подтасовали ключевые положения Конституции, а прокуратура и суды попросту игнорируют текст в целом. Изначально не предназначенная для практики, Конституция не заработала и впоследствии. Но звучит ли этот текст приговором самому принципу верховенства права? Нет. В важном интервью для «The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies» Маркелов проясняет свою позицию по крайне важному для него делу Лапина. Офицер, пытавший и убивший десятки мирных жителей в Чечне, благодаря усилиям Маркелова получил обвинительный приговор. И хотя посажен Лапин был только за половину одного из совершённых им преступлений (остальное не было доказано), вот его основной: «Это дело было особо значимо, потому что впервые показало, что насилие над местными жителями может быть обжаловано в правоохранительных органах, и они отреагируют, и суд примет реальное решение... Не идёт речи о межнациональном конфликте, а именно об установлении российских норм права в Чечне»[2].
Иными словами, за едкой критикой Конституции у Маркелова скрыто отнюдь не отрицание права. Напротив, это была критика правового произвола, нашедшего отражение даже в основном законе и отношении к нему в судах. По этому вопросу Станислав открыто оппонировал и некоторым правозащитникам, которые из нормативных побуждений добились отмены института доследований, и левым активистам, которые считают любой закон порождением репрессивной государственной машины. В отличие и от тех, и от других, Маркелов видел в работающем праве механизм универсального социального равенства.

3. Такая установка во многом определила успех его гражданских и политических судебных дел. Он последовательно настаивал на соблюдении формальных процедур, тем самым, парадоксально, смягчая изнутри жестокость машины судебных приговоров или добиваясь реального наказания для виновных в насилии, привыкших к безнаказанности. Нередко обескураженные европейские наблюдатели недоумевали, как можно выигрывать дела, «просто» соблюдая закон. Словно другие адвокаты или судьи его не соблюдают. Отчасти это именно так в разлаженной и коррумпированной практике российских судов. Но дело также в том, что Маркелов каждый раз заново «перезапускал» закон, последовательно отбирая в дело только бесспорные улики, настаивая на соблюдении процедур и норм, к которым сами судьи нередко относятся как к рекомендательным. До декабря 2011 года успех этих простых действий оставался во многом непонятным и для российских наблюдателей. Лишь впечатляющий эффект этого подхода в критике

Станислав Маркелов в разрушенном Грозном

выборных махинаций сделал её состоятельность очевидной.

4. Поворотным пунктом, который запустил массовую общественную мобилизацию в России в декабре 2011-го, стал именно контроль за процедурой. В данном случае — за ходом выборов, который отслеживали десятки и сотни добровольцев, пришедших на избирательные участки и заранее информированные о вероятных нарушениях. Таким образом не удалось заблокировать избрание Владимира Путина в президенты. Удалось сделать иное: удостоверить нарушения множеством видеозаписей и свидетельств — неоспоримых улик, которые легли в основу доказательной базы и привлекли общественное внимание. В результате, впервые за двадцать лет на улицы вышли десятки тысяч образованных людей, которые отказались принять очередное и очевидное беззаконие. А ведь совсем незадолго до этого они обречённо повторяли: «ничего не изменишь», «от нас ничего не зависит».

5. Следует заметить, что Маркелов был близок не только к авангардным группам общественных активистов, обеспечивая их юридической поддержкой: независимым профсоюзам, антифашистам, экологам, анархистам. В начале 90-х он также принимал активное участие в создании одного из наиболее массовых студенческих профсоюзов. Судя по интервью, которое я взял у него при нашем знакомстве, это был не только опыт организации, но и жизненный эксперимент, проба сил и возможностей в создании иного общества. Достаточно быстро этот опыт завершился фактическим самороспуском студенческого движения. Поскольку, по свидетельству Маркелова, вновь приходящим в него участникам ядро активистов с трудом могло предложить ясную цель и программу действий. Он полагал, что в новых условиях социальная повестка была бы более ясной. Но в середине 2000-х массовое движение казалось несбыточной мечтой.

6. Несколько лет спустя это стало реальностью. Уже без самого Маркелова. Можно сказать наверняка, что сегодня он не остался бы в стороне, зная о его живом интересе к социальному экспериментированию и талант публичного интеллектуала. Как и в начале 90-х, новому движению вновь недостаёт ясной повестки, хотя его источник и социальный состав значительно отличаются от прежних. Однако одним из главных приобретений последних месяцев стал утерянный было за прошедшие двадцать лет интерес к общению, которое всё более политизируется. Приобретением стала и та солидарность, основополагающая взаимная поддержка, о нехватке которых устало напоминал Маркелов в своей знаменитой публичной речи незадолго до гибели.

7. На последней конференции, где мы пересеклись, Маркелов убеждал меня создать социологическое отделение Института верховенства права. Я обещал подумать, хотя не видел смысла в учреждении ещё одной номинальной структуры. Нынешняя инициатива НИИ митингов, удачно связывающая два полюса, академического исследования и активистского действия, демонстрирует, что условие, которое лучше всего соответствует формуле Маркелова — это общественный подъём. Именно здесь знание, полезное общественному движению и пытающееся стать его частью, работает на универсализацию равенства, так же как практика верховенства права. Бесспорно, Маркелов много сделал, чтобы этот подъём стал реальностью.

8. Исследовательская группа НИИ митингов внимательно изучает общественный подъём с конца декабря. Работа по систематизации материалов далека от завершения. Но уже сейчас можно говорить о текущей мобилизации как об источнике межклассового, мирного и во многом ориентированного на исполнение законов коллективного желания. Речь идёт об отказе от революции и утопии, которые могли быть реализованы насильственно. Речь также идёт об ожиданиях, чаще связанных с законом, чем со справедливостью. Возможно, это слишком законопослушно с точки зрения Маркелова-активиста. Но, безусловно, исключительно важно, если следовать критериям Маркелова-адвоката.

Александр Бикбов, *социолог*

[1] Выступление на обсуждении немецкого сборника текстов С. Маркелова, Берлин, 18 июня 2012.
[2] www.pipss.revues.org/1903

Москва, «Марш миллионов» 12 июня 2012 г. Фото: anatrrra

в глубоком пике

Решение федеральных властей свести всю политическую жизнь к предвыборному периоду перед единственным на весь год «единым днём голосования» в октябре выглядит с каждым днём всё безумнее. Если раньше скандалы и скандальчики внутри «правящей элиты» местного пошиба возникали время от времени и от одного до другого общественность успевала забыть предыдущий, то теперь все попёрло разом, как тесто из квашни. И бессилие партийных (какой партии, объяснять, думаю, не надо) и всех прочих властей в борьбе с ними стало ещё более очевидно.

Иркутская область крепко держит в руках переходящее знамя самого странного региона, и хотя другие стараются не отставать (в Твери, рассказывают, местные единороссы послали лесом столичных политтехнологов), лидерство пока сохраняет. Последним успехом «Единой России» были выборы мэра Усолья-Сибирского. Этот своеобразный даже по местным меркам город на протяжении нескольких лет был вотчиной экс-мэра Евгения Кустоса, который руководил в лучших традициях норманнских баронов раннего средневековья: команда мэра воспринимала город как свою собственность, время от времени продавала куски городского хозяйства, распоряжалась бюджетом без оглядки на областные власти и собственную думу. Кончилось все арестом Кустоса (как раз сейчас его судят в областном суде), перевыборами думы — которая тут же стала объектом шуток в стиле «Усольская дума — место для дискуссий». В думу прошли семь членов ЕР, по четыре депутата от КПРФ и ЛДПР, трое «эсеров» и трое самовыдвиженцев. При таком раскладе сразу было понятно, что дееспособной дума не будет, и действительно — её хватило только на то, чтобы один раз, под личным присмотром губернатора Сергея Ерощенко, председателя Законодательного собрания Людмилы Берлиной и секретаря регионального отделения ЕР Сергея Тена выбрать мэра. Выборы сити-менеджера, должность которого была введена в Усолье впервые в области, проваливались уже дважды — а при этой «двуглавой» схеме отсутствие сити-менджера означает, что повседневной жизнью города никто не управляет. Но коса нашла на камень: никто из представленных в думе группировок не хочет больше уступать дорогу ЕР.

И это понятно: ЕР на глазах теряет позиции в городах области. В Ангарске, втором по промышленному потенциалу и третьем по населению городе области, предстоят выборы мэра. После того, как два года назад на выборах в районную думу КПРФ провела 11 кандидатов из 15 возможных, но благодаря финтам бывшего губернатора мэром района стал член ЕР Владимир Жуков (считающийся среди однопартийцев не самым лояльным человеком), все понимали, что выборы на городском уровне станут ареной особенно жестокой схватки между коммунистами и ЕР. В принципе, хрен редьки совершенно не слаще и первый секретарь городского отделения КПРФ Сергей Бренюк, официально выдвинутый на пост мэра, по морально-волевым качествам Жукову не уступит ни в чём — однако многие считают, что хоть какая-то смена обстановки была бы городу на пользу. Преимущество Бренюка признают и его оппоненты в ЕР, и недоброжелательно настроенные к нему политологи. А тут ещё Жуков выкинул финт, о котором его никто не просил: взял да и выдвинул свою кандидатуру на тот же пост мэра — теперь кого бы ни выдвинула ЕР, этот кандидат проиграет обоим лидерам местного сообщества. Если для Бренюка сменить

депутатский мандат на удостоверение мэра — шаг вверх по карьерной лестнице и политическое достижения для партии, то для Жукова шаг вниз по муниципальной лестнице объясним только с одной точки зрения: при действующей системе налогообложения город Ангарск намного богаче, чем Ангарский район и там, что называется, есть где порезвиться умелому управленцу.

В противоположном, юго-восточном, углу Иркутской области разворачивается ещё более сюрреалистическая история. В Слюдянском районе, там, где расположен город Байкальск и печально знаменитый Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, тоже грядут выборы мэра района. Они пройдут на фоне серии коммунально-мусорных скандалов: администрация Байкальска должна БЦБК большие суммы за поставленное городу тепло и обслуживание городской свалки, а возмещать их не планирует. Мэр района Андрей Должиков, которому происходящее в Байкальске должно быть не чуждо, палец о палец не ударил для решения этих проблем, но всё-таки решил выдвинуться на новый срок. При проведении столь любимых единороссами праймериз Должиков победил так неловко, что партийная контрольно-ревизионная комиссия не могла не признать наличие нарушений. Местное отделение повторно выдвинуло Должикова кандидатом, что уже является «бунтом на корабле», а когда региональный политсовет всё-таки отказал Должикову в поддержке, он взбрыкнул и заявил, что пойдет на выборы самовыдвиженцем. От греха подальше ЕР вообще отказалась выставлять своего официального кандидата на этих выборах.

Не менее весёлые дела творятся на западе области: в городе Тулун депутаты местной думы из фракции ЕР сначала обвинили мэра в бездействии и долго ждали реакции из областного политсовета. Когда её не последовало, четверо депутатов заявили о выходе из фракции и создании нового объединения «Народный фронт». Фракционная деятельность в ЕР запрещена, поэтому 7 сентября трёх бунтовщиков попросту исключили из фракции. Мэр-бездельник остался на своём посту, заметно «повышая» шансы партии на очередную победу на выборах.

Мэр Иркутска Виктор Кондрашов, проведя всё лето в заграничных вояжах и отпусках, вернулся домой в разгар массовых выступлений против него лично и политики городских властей в целом. Из достижений команда «приёмного сына ЕР» Кондрашова может предъявить горожанам только остановку общественного транспорта с солнечными батареями и wi-fi (одну на весь город), уплотнённые до крайности группы в детских садах и очередь в 30 тысяч детей за порогом этих муниципальных учреждений. Против мэра регулярно проводят пикеты и митинги взбешённые мамы, которые планировали по достижении детьми трехлетнего возраста выйти на работу, но благодаря «мудрому» решению мэра пристроить в садики всех детей с 4 до 7 лет, а остальных оставить за бортом, вынуждены будут оставаться дома. Даже те горожане, которые не имеют детей младшего дошкольного возраста, не испытывают к мэру особенно тёплых чувств: за два года не решить ни одной реальной проблемы — это, знаете ли, тоже достижение.

Все эти истории отражаются и на руководстве областного отделения «Единой России» — секретарь политсовета депутат Государственной думы Сергей Тен не справился ни с одной из стоящих перед ним задач, а следовательно и утратил возможности для влияния на решения фракции ЕР в Законодательном собрании. В 2013 году в области пройдут выборы нового состава ЗС и «Единая Россия» уже не выглядит абсолютным фаворитом.

Василий Громов

когда ж они рухнут?

В последний год всё большую часть моего времени занимает общение с существами, отделёнными от меня решёткой. Я-то нахожусь с наружной её стороны. Но мы стали «более чаще» носить передачи...

В парке подмосковного города Люберцы изнывает в железно-каменном мешке медведица Маша. Я не только успел изучить её кулинарные предпочтения, но и обрёл с ней некоторый эмоциональный и — шутка ли? — интеллектуальный контакт. Не верите? Поезжайте сами да посмотрите. Хотите — можете со мной.

Однажды мне довелось с утра везти продукты в изолятор своему двоюродному брату (10 суток за несанкционированную акцию), а прямо оттуда — к медведице.

Нашего друга Колю Кавказского, весельчака, добрейшего человека в мире, строгого вегетарианца, заперли в Бутырку за 6 мая. Коля и насилие? Тут посмеяться бы впору, но... Недавно я был у него на кассации. В комнате Мосгорсуда — видеоэкран. В экране виден Коля из другой комнаты, временами заслоняемый бродячим охранником. И всё равно — даже там — он был посажен за решёткой. Там: за стеной, за экраном, в обществе одних лишь охранников. Но за решёткой. Вот как они нас боятся... Коля был спокоен и твёрд, говорил уверенно и логично. Чем у нас кончаются кассации? Вы знаете. Коля остался в Бутырке. Но мы видели его в экране. И он — нас.

Все они — очень разные по характерам и взглядам на мир: мой брат, Коля, Маша. Десятки и сотни других, к кому я не успел.

Медведица внимательно смотрит на меня и, резко дёрнувшись, хватает зубами арматуру решётки.

«Давай разрушим эту тюрьму! Здесь этих стен стоять не должно...»

Александр Малиновский

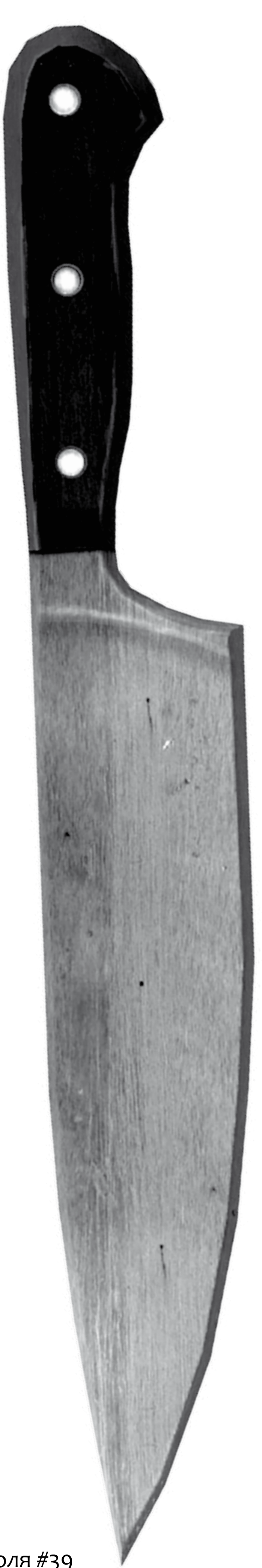
Москва, митинг в защиту политзаключённых 26 июля 2012 г. Фото: anatrrra

Суд Pussy Riot

графический репортаж Виктории Ломаско

МЫ СЕДЬМОЙ РАЗ ПРОСИМ ОТВОД СУДЬЕ
ПОЛОЗОВ
ВОЛКОВА
НЕПОНЯТНО НА КАКОМ ОСНОВАНИИ УТВЕРЖДЕНИЕ ПЕСНИ О СОТРУДНИЧЕСТВ ЦЕРКВИ И КГБ НАЗВАНО ЛОЖЬЮ
ПО ПРАВИЛАМ ЭТОГО СОБОРА НЕЛЬЗЯ МЫТЬСЯ В БАНЕ С ИУДЕЯМИ
У ВЫХОДА СУДА ГРУППА ЛЮДЕЙ СКАНДИРОВАЛА АДВОКАТАМ ОБВИНЕНИЯ: «ПОЗОР!»
Сторона обвинения
Я ХОЧУ ЗНАТЬ, ПОЧЕМУ ДВЕ ЭКСПЕРТИЗЫ РАЗИТЕЛЬНО ОТЛИЧАЮТСЯ ДРУГ ОТ ДРУГА
МЫ ХОТИМ В ТУАЛЕТ!
В ДРУГОЙ РАЗ СХОДИТЕ
ПЕТР ВЕРЗИЛОВ

Дюжина ножей в спину образования

Краткий обзор правительственного законопроекта «Об образовании»

2 августа 2012 г. в Думу поступил проект Федерального закона «Об образовании, подготовленный Правительством РФ. Он должен заменить собой два действующих на данный момент закона — «Об Образовании» и касающийся высшей школы ФЗ «О высшем и послевузовском образовании», став по сути образовательным кодексом, обязательным к исполнению всеми — от детских садов до вузов.

Что стало причиной появления этого документа именно сейчас? Как обычно, официальные объяснения многословны и крайне туманны. Здесь и ...создание правовых условий для обновления и развития российской системы образования в соответствии с современными запросами человека, общества и государства... и потребности развития инновационной экономики... и международные обязательства Российской Федерации (об этом мы ещё поговорим позже).

А как на самом деле?

Власть решила узаконить то, что она и так уже делает все последние десятилетия — перевод образования на коммерческие рельсы.

Общее направление госполитики в сфере образования — переход от господствовавшего в советское время понимания образования как общедоступного блага и услуги, когда единственным заказчиком этой услуги от имени общества выступает государство, к свободному рыночному обращению данной услуги. Естественно — прежде всего, за деньги.

В рамках такой политики происходит, с одной стороны, переход на госзаказ при определении необходимого по мнению государства объёма гарантий, с другой — развитие системы негосударственного образования.

Что опасного в этой концепции? Вызывает много вопросов методика и критерии определения объёма госзаказа. Эти данные не обнародованы. Т.е. объём госзаказа может произвольно снижаться исходя из «возможностей бюджета». Итак, перечислим наиболее опасные новации правительственного проекта:

1. В законопроекте с учётом Болонской декларации вводятся ступени высшего образования: бакалавриат и магистратура. С учётом того, что гарантий получения бесплатного образования по магистерским программам в законе нет, высшее образование в России станет платным как минимум на 1/3 часть.

2. Законопроектом также предполагается модернизировать систему начального и среднего профессионального образования. Имеющаяся сейчас система ПТУ будет внесена как первая ступень в систему среднего профессионального образования. Опасность в том, что при «переносе» могут потеряться и учащиеся, и педагоги, а наработанные программы не будут востребованы.

3. Законопроектом устанавливается, что образование может быть получено как посредством обучения в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, так и вне таких организаций (путём самообразования, семейного образования). Ясно, что отныне образование, по сути, перестает быть обязательным.

4. Экстернат исключён из форм обучения и рассматривается в законопроекте лишь как способ получения документа об образовании. Результат — уже в этом году экстернат стал платным.

5. Особое внимание в законопроекте уделено формам участия представителей работодателей в управлении образованием. В качестве одного из инструментов участия работодателей в оценке качества образования вводится институт профессионально-общественной аккредитации образовательных программ. Впрочем, это нововведение уже вызвало резкую реакцию самого педагогического сообщества, так как непонятны основания, по которым работодатель, не имея прямого отношения к образовательному процессу, будет оценивать его эффективность. Неясны и правовые последствия, которые неблагоприятные результаты экспертизы будут иметь для образовательной организации.

6. Весьма спорной новацией стало введение в законопроект ст. 91, регламентирующей особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, особенности получения теологического и религиозного образования. Как отмечают эксперты, содержание данной статьи может быть сочтено нарушением нормы Конституции РФ, гарантирующей светский характер государства.

7. Отсутствуют обязанности органов власти при расчёте бюджетного финансирования сферы образования исходить из требования сохранения уровня заработной платы педагогических работников не ниже средней по экономике данного региона. Более того, из последней редакции выпали содержащиеся в ныне действующем законе положения о компенсации педагогам расходов на методическую литературу, так же как гарантии льгот сельским педагогам по жилищно-коммунальным платежам.

8. По инициативе министерства образования в проекте закона изменены нормативы числа бюджетных мест в вузах. Вместо действующего на данный момент норматива 1700 бюджетных мест на 10 тысяч населения, в проекте закона заложена норма — 800 мест на 10 тысяч населения в возрасте от 17 до 30 лет. Как поясняют авторы проекта, это позволит к 2015 году сократить около 180 тысяч бюджетных мест.

9. Вызывает опасения проведённое в тексте проекта разделение дошкольного образования на собственно образование и присмотр. Ранее эти две функции детских садов рассматривались неразрывно, но теперь возникает возможность размывания образовательной функции дошкольных учреждений через суррогатные формы «учреждений для присмотра».

10. Отсутствует в проекте и регулирование правового статуса таких учреждений образования как лицеи, гимназии и прочие типы школ с углублённым изучением тех или иных предметов, получившие распространение в 90-е гг. Проявившаяся в последние годы тенденция к унификации школ разных типов грозит вытеснением «лицейского» уровня образования в частную сферу, что, конечно, противоречит концепции равных прав на получение качественного образования.

11. Упрощается в законопроекте процедура ликвидации сельских школ. Ст. 22. предусматривает, что ликвидация муниципальных образовательных организаций, реализующих основные общеобразовательные программы и расположенных в сельской местности, допускаются только с согласия представительного органа соответствующего городского округа или муниципального района, на территории которого расположена муниципальная образовательная организация (ранее — с согласия сельского схода). Как показывает практика, основной причиной закрытия сельских (и не только) школ, является их «нерентабельность» — недостаточность выделяемых согласно подушевому финансированию средств для нормального функционирования и развития школы. Т.е., в данном случае происходит снятие барьеров на пути господства экономической целесообразности, при том, что закрытие школы, как правило, приводит к падению образовательного уровня обучавшихся в этой школе детей и оттоку квалифицированных кадров.

12. Предусмотрено также проектом право вуза отчислить студента не только за академическую неуспеваемость, но также за совершение дисциплинарных проступков (предусмотренных уставом и правилами внутреннего распорядка). По большому счёту — это попытка узаконить отчисления «за политику».

Что делать?

Прежде всего, протестовать разными способами. 15 сентября выходить на марш миллионов в составе научно-образовательной колонны. Поддержать поправки профсоюза «УЧИТЕЛЬ» (на сайте pedagog-prof.org), оказывать давление на депутатов всеми способами. Только активная и солидарная позиция может позволить нам отстоять доступное и качественное образование для себя и будущих поколений.

Андрей Демидов,
сопредседатель Межрегионального профсоюза работников образования «УЧИТЕЛЬ»

Три вопроса учёным

Накануне нового «Марша миллионов», намеченного на 15 сентября, мы взяли несколько коротких комментариев у участников научно-образовательной колонны. Мы задали им три вопроса:

1. Для чего вы лично или ваша группа, ассоциация участвуете в образовательно-научной колонне? Чего вы требуете, чего ожидаете?
2. Для вас участие в колонне — это политический, социальный, цеховой акт? Какие цвета вы привносите в общую пестроту митинга? На какие союзы и альянсы рассчитываете?
3. Наверняка в вашем учебном, научном заведении или в вашей профессии есть то, что вызывает вашу острую критику. Как вы реализуете ваш критический настрой на вашем месте работы? Какую активность, усилия по изменению ситуации предпринимаете за рамками митингов?

Георгий Комаров, *движение #ОккупайМосква*

*1. Выход на марш в составе социальной колонны — это прежде всего способ напомнить, что социальная повестка существует. Зациклившись на выборных процедурах (от декабрьских 146% до грядущих праймериз), протестное движение напрочь забыло, что в России есть миллионы педагогов, школьников, студентов, учёных, медиков — и решение их проблем требует не меньше внимания, чем свержение П***на или избирательная система.*

Поэтому очень важно озвучить социальную повестку, важно выразить солидарность, важно попытаться защитить образование, науку, медицину. В конце концов, речь идёт о том, что так или иначе касается каждого.

2. На мой взгляд, довольно странно разделять политический и социальный оттенок протестов. Настоящая, живая политика — это именно защита социальных интересов, непосредственное выражение мнения людей, а не макиавеллиевские технологии.

Разумеется, когда речь заходит о социальной проблематике, повестка дня кренится «влево», вне зависимости от того, осознают ли себя левыми сами активисты. Поэтому прежде всего мы рассчитываем на долгое и плодотворное сотрудничество как с профсоюзами и инициативными группами вузов, так и с другими левыми движениями.

3. Лично меня (возможно, мне просто везло) возмущают и тревожат скорее общие тенденции, касающиеся науки и образования, чем частные проявления. Однако, среди активистов #Оккупай есть, в частности, участники инициативных групп вузов.

Пётр Сафронов, *философ*

1. Участвую, чтобы показать возможность сплочённого выступления работников науки и образования. Требую упразднения бюрократического контроля. Ожидаю всеобщей забастовки.

2. Для меня участие — акт корпоративной солидарности. Рассчитываю на союз со всеми, кто готов отстаивать профессионализм и компетентность как высшие ценности науки и образования.

3. Я участвую в создании Ассоциации преподавателей высшей школы. Принимал участие в деятельности московского отделения Уличного университета. Собираюсь делать семинары по правовому просвещению преподавателей.

Григорий Колюцкий, *к.ф.-м.н., н.с. ИППИ им. АА.Харкевича РАН, организатор Научно-образовательной колонны на «Маршах миллионов», координатор Штаба гражданских действий в Зюзино*

1. Лично я занимаюсь строительством институтов гражданского общества. Профессиональное сообщество учёных, преподавателей и учителей в силу своей высокой общей культуры может и должно подать пример самоорганизации всему остальному российскому обществу.

2. Наша колонна привносит научную культуру диалога и уважительный уровень дискуссии — ровно то, что сегодня так необходимо российскому обществу. Именно в этом наше мировоззренческое расхождение с нынешней российской властью, которую мнение крепостных учёных и учителей не интересует в принципе. И мы видим, что уже выстраивается широчайшая, беспрецедентно широкая для всей российской истории коалиция — общегражданское движение за демократизацию политического пространства.

3. После защиты диссертации я даже не пытался устраиваться на работу в мою альма-матер, МГУ, ровно по причине окружающего феодализма и уныния большинства, даже молодых, сотрудников. С тех пор в МГУ многое изменилось, прежде всего, возникла очень мощная инициативная группа — наверное, самая активная ИГ среди всех вузов страны. А сам я работаю там, где критиковать нечего, зато можно осмысленно и продуктивно созидать: ИППИ им. А.А.Харкевича РАН, полипрофильная школа 179 МИОО, Научно-образовательный центр при МИАН.

ПОЛИТ в помощь заключённым

Процесс Pussy Riot показал, как быстро в нашей стране можно стать политзаключённым. Так же внезапно у нас образовалась группа узников по делу о московской демонстрации 6 мая, когда ОМОН разгонял демонстрантов, а уголовную ответственность за происходившее возложили не на полицейских начальников и рядовых исполнителей их приказов, а на самих участников общественного движения. Увы, на всех полит-узников не хватит внимания мировой и даже российской общественности. С зимы и весны этого года под дружную тишину в СМИ и блогах сидят в тюрьмах антифашисты Алексей Олесинов и Алексей Сутуга, уже больше года сидит Игорь Харченко, российская «юстиция» пытается выцепить из-за границы и сделать политзаключённым политбеженца Петра Силаева, писателя, антифашиста и участника знаменитой июльской демонстрации в Химках 2010 года. Который месяц продолжается суд по сфальсифицированному обвинению против нижегородских антифашистов — и вы наверняка не в курсе этой информации.

Что же, пора привыкнуть, что мы не можем рассчитывать не только на официальные, но часто и на оппозиционные или полуоппозиционные медиа, информацию необходимо добывать самим, и прежде всего в интернете.

И если мы всерьёз участвуем в общественном движении, если мы ходим на митинги не ради забавы (или, во всяком случае, не ради неё одной), мы должны помнить о тех, кто ещё вчера был на улицах и площадях рядом с нами, а теперь оказался по ту сторону тюремной решётки — о политзаключённых.

В этом номере мы представляем отличный проект книжного магазина «Фаланстер» по сбору книг для обвиняемых по «Болотному» делу и хотим напомнить, что это дело — не единственное политическое. Сидят девушки из Pussy Riot, сидит Таисия Осипова, сидят антифашисты, сидят нацболы, сидят, наконец, бывшие менеджеры компании ЮКОС Ходорковский и Лебедев. И если к кому-то из них приковано бОльшее внимание, есть и те, о ком знают лишь их друзья и родственники. Мы должны интересоваться такими людьми, их судьбой. Мы должны им помогать. Даже если сегодня мы не можем вытащить их из тюрьмы, в наших силах сделать их пребывание за решёткой чуть менее отчаянным.

Совместный проект РосУзника и книжного магазина Фаланстер

20 августа книжный магазин «Фаланстер» и проект «РосУзник», оказывающий помощь задержанным, объявили сбор книг для фигурантов «болотного дела», которые находятся в СИЗО. Сотрудники магазина с помощью «РосУзника» отправили всем подследственным письма с просьбой указать свои пожелания. Пока пришли ответы только от шести арестантов из двенадцати.

«Мы сейчас собираем книги для арестантов по заявкам. Но желающие могут передать книги в СИЗО и самостоятельно. В следственных изоляторах есть библиотеки. Как правило, есть возможность передать книги либо в библиотеку, либо непосредственно человеку», — рассказывает координатор проекта «РосУзник» Сергей Власов.

«Мы считаем, что те двенадцать человек, которые сейчас находятся в СИЗО, сидят там несправедливо, по надуманным поводам. Даже если какие-то эксцессы и были, они спровоцированы полицией, — говорит Борис Куприянов. — К тому же нам кажется, что Пол Маккартни и Мадонна вряд ли будут поддерживать ребят. Поскольку мы книжный магазин, решили помочь тем, чем можем, то есть предоставить ребятам книги».

По словам Куприянова, акцию по сбору книг пришлось организовать именно «Фаланстеру» потому, что магазин специализируется прежде всего на политической литературе левого толка, а часть ребят в СИЗО просит прислать им фэнтези и научно-фантастические книги. Также есть сложности и с научной литературой для обвиняемого кандидата химических наук Фёдора Бахова, который пытался раздобыть в СИЗО книги по полимерам.

Некоторые издания в СИЗО передать трудно, говорят близкие фигурантов дела. «Выписали “Новую газету”, она была оплачена, но её очень долго не соглашались давать, сославшись на потерю квитанции об оплате. Возможно, это связано с теми материалами, которые публикуются в газете, — рассказывает Катя, девушка арестанта Андрея Барабанова. — Вообще в “Бутырку”, где сидит часть арестантов, предпочтительно приносить классическую литературу».

Ярослав Белоусов
СИЗО-5

Обвиняется в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении полицейского.

Студент 4-го курса факультета политологии МГУ. Женат, растит годовалого сына. Был наблюдателем на выборах и членом избирательной комиссии. Недовольство результатами выборов и привело Ярослава на митинг 6 мая. Придерживается национал-демократических взглядов.

Ярослав написал, что из книг его сейчас больше всего интересует «мысль современная», а именно книги польского эссеиста и нобелевского лауреата Чеслава Милоша, Станислава Белковского, Евгения Ясина и других современных авторов. Также сообщил в письме, что его интересуют и мыслители XX века, в частности Иван Солоневич (теоретик монархизма), Николай Бердяев, философ и историк Фёдор Степун. По словам Ярослава, подойдут любые труды этих авторов.

«Был бы рад последнему номеру журнала “Вопросы национализма”», — пишет Белоусов.

Степан Зимин
СИЗО-5

Обвиняется в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении полицейского.

20-летний студент факультета востоковедения РГГУ, в совершенстве владеет арабским языком, увлекается исторической реконструкцией. Анархист. Обвиняется в том, что попал куском асфальта по пальцу полицейского. Впрочем, пострадавший Степана сначала не опознал и дал показания против него лишь спустя месяц.

Из книг попросил прислать ему в СИЗО что-нибудь по политологии и «Мастера и Маргариту».

Фёдор Бахов
СИЗО-5

Обвиняется в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении представителя власти.

Кандидат химических наук. Женат, есть 4-летняя дочь. Признался, что на Болотной толкнул полицейского, который грубо задерживал одного из демонстрантов, за что и был задержан.

Пробовал заказать в СИЗО научную литературу по полимерам и полимерным композиционным материалам, но понял, что сделать это, не имея под рукой каталога, практически невозможно. Из «лёгкой» литературы попросил прислать ему фантастику «с примесью ужасов» и научно-фантастические книги.

Артём Савёлов
СИЗО-4

Обвиняется в организации и участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении полицейского.

33-летний Артём Савёлов, как утверждают следователи, арестован за то, что «двигался за пределы согласованного места проведения акции», прорвал кольцо оцепления и применил насилие к «неустановленным полицейским». В политических партиях и движениях не состоит.

Артём попросил «Фаланстер» прислать ему фэнтези «на свой вкус».

«Книга здесь очень помогает оторваться от грустной действительности», — пишет арестант, отвечая на запрос.

«Надо еще заказать учебник по русскому языку, вспомнить правописание», — шутит Артём, поясняя, что со школы не писал писем.

Владимир Акименков
СИЗО-5

Обвиняется в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении полицейского.

Активист «Левого фронта». В 2010 году получил условный срок за участие в деятельности запрещённой НБП.

Владимир в своем письме «Фаланстеру» отметил, что тюрьма — хороший повод продолжить самообразование. Попросил прислать ему книги по философии, социокультурные исследования и литературу по теории и практике разных общественных движений. В частности Владимир хочет получить книги серии «Час «Ч» (работы леворадикальных мыслителей), книги издательства «Ультра-культура 2.0» (публикуют «альтернативную» литературу) и другие похожие издания.

Николай Кавказский
СИЗО «Бутырка»

Обвиняется в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении полицейского.

Активист движения «Левое социалистическое действие» и юрист Комитета за гражданские права. Ранее состоял в партии «Яблоко». Всегда выступал за ненасильственный протест, о чём неоднократно писал в своём блоге. Ни разу с 2010 года не был задержан за правонарушение, в том числе не задерживался и на Болотной 6 мая.

В своём письме, которое было опубликовано в ЖЖ nabrevne, посетовал на то, что подписку на «Новую газету» можно будет оформить только в сентябре. Попросил подписать его на газету «Коммерсант», журналы «Власть» или The New Times. Николай также написал, что хотел бы почитать что-нибудь из работ леворадикального философа Субкомандante Маркоса и попросил прислать ему книги фантастов Богданова, Беляева и Лазаря Лагина.

«В основном, провожу время за чтением. Сейчас изучаю труды Ленина за март-апрель 1917 г. Довольно интересно. Правда, книга хрущевско-брежневских времён», — пишет Николай.

Андрей Барабанов
СИЗО «Бутырка» (может быть оттуда переведён в ближайшее время)

Обвиняется в призывах к массовых беспорядкам и применении насилия в отношении полицейского.

Окончил московский математический колледж, подрабатывал художником, в политических партиях и движениях не состоит.

«Я уже передала Андрею в СИЗО “Бесов” и “Идиота” Достоевского. Думаю, что можно передавать и другую классику: остального Достоевского, Булгакова. Можно передать исторические книги, Андрей всегда любил историю», — советует девушка Андрея Катя. Ещё Катя рассказала, что Андрей в свободное время в СИЗО учит английский, поэтому можно передать ему учебники и другие вспомогательные материалы.

Вся информация о помощи задержанным по делу 6 мая — на сайтах **www.rosuznik.org** и **www.6may.org**

По материалам газеты «Московские новости» и сайта www.poslezavtra.be

Москва, митинг в защиту политзаключённых 26 июля 2012 г. Фото: anatrrra

МАСТРИД на волне протеста

хорошие книжки для поднятия боевого духа

На недавно зародившейся волне подъёма общественной активности и гражданского самосознания многое из некогда позабытого вновь вошло в пространство повседневного разговора и размышления. А именно: снова появились кухонные беседы, попытки понять происходящее глубже, чем предлагает диктор из телеящика, а также стремление выйти за пределы покрова Майи нынешней идеологии. А теперь — ещё и цензура. Как симптом.

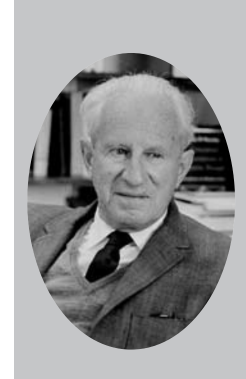
В этих новых для нынешнего общества условиях вполне понятны хаотичность, неопределённость, неуверенность в правильности стратегии и тактики протестного движения, смешение идей и позиций. Многое из этого, увы, вполне может оказаться веской причиной спада гражданской пассионарности и возвращения в неуютную, но родную матрицу режимной повседневности — возвращение с мыслью о своей неспособности что-либо изменить.

Для поднятия боевого духа тех, кто ещё не вернулся в тотальную пассивность, а также для систематизации и прояснения некоторых важнейших аспектов, проблем и возможностей конструктивного сопротивления — мы решили предложить читателю подборку хороших книжек. Часть из них, безусловно, читателю уже знакома. Но за давностью дела, вполне возможно, именно теперь есть резон вновь взять их в руки — и посмотреть на них другими глазами.

Итак, что бы почитать, чтобы не утратить боевого духа, увидеть некоторые новые важные нюансы для построения собственной протестной тактики, а также чуть лучше разобраться в процессах, происходящих повсеместно в современной России?

П.А. Кропоткин «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902 г.). Это исследование представляет собой неожиданный для современной европейской картины мира взгляд на человеческие отношения и их природу, на оппозицию общества и государства, на европейскую (и не только) историю до XV века — когда государство тоталитарным образом установило монополию на политику и на организацию общественных отношений и экономики. Ценно в этой книге то, что Кропоткин выступает здесь не как фантазёр-утопист, а именно как учёный, имеющий веские основания делать именно такие непривычные для либерального капитализма выводы об обществе и человеке. Он приводит фундаментальный и крайне интересный материал, говорящий в пользу его доводов. В отличие, скажем, от консервативных или даже либеральных концепций, голословно утверждающих нечто о природе человека, как если бы знание о ней было дано им не иначе как свыше. Обоснованность кропоткинской картины природы общества, несомненно, внушает оптимизм в ситуации, когда общество атомизировано, пассивно и тотально эгоистично. Понимание того, что это, во-первых, не его природа, а, во-вторых, даже не его единственный и изначальный способ существовать — вселяет надежду на то, что существующий порядок вещей можно изменить — если приложить значительные и тактически продуманные усилия.

Г.Маркузе «Одномерный человек» (1964 г.). Книга совершенно бесценна, с точки зрения проницательности критики «цветущего» общества потребления, где любые низовые инициативы подавляются. Но уже не царём, а аппаратом рынка, а любые перемены — искусственно и насильственно сдерживаются. Маркузе критикует присущую такому обществу организацию труда, где — вопреки чаяниям оптимистических апологетов прогресса минувших веков — технологизация не просто не освободила человека, но во многом сделала его повседневность ещё более отупляющей и исчерпывающей все его физические, душевные и умственные силы.

Ещё одной важнейшей темой этого текста является анализ ликвидации двухмерной культуры путём интеграции её в поп-культуру — с целью ослабления преобразовательного потенциала первой — в интересах механизмов капитала и его хозяев. Маркузе вскрывает невербальную тоталитарность такого порядка вещей — тоталитарность, состоящую в установлении чёткой и узкой системы норм. Всё, что оказывается за их пределами, провозглашается девиантным и подавляется уже не только аппаратом, но уже и самими людьми, убеждёнными в том, что если происходящее с ними СМИ называют свободой выбора, то это она и есть. Знакомо, не правда ли? Также в этой книге вы найдёте меткие, актуальные, подчас неожиданные и проницательные пассажи о поглощении принципом удовольствия принципа реальности, об искусственно подавляемой сексуальности с целью получения более послушной аудитории, о формах политической агитации в рекламе и медиадискурсе, об искусственной дисгармонии между общественными и индивидуальными интересами, о нюансах механизма образа врага и его формирования. И о многом, многом другом.

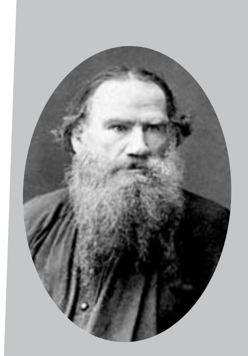

М.Горький «Мать» (1906 г.). Эта книга из школьной программы, скорее всего, мало кому вспоминается как сколь бы то ни было значимая. Тем не менее, она не просто прекрасно продолжает социалистические темы «Воскресения», но и предлагает другую мизансцену: простонародье с его бытом (опять же во многом, увы, так похожим на современный), организацию труда в условиях капитализма, а также социальную и правовую незащищённость рабочих. Всё это кажется заезженным, но только на первый взгляд — если не брать во внимание нынешнюю ситуацию на российских заводах крупных иностранных корпораций, а также жизнь людей вне крупных промышленных городов.

Оптимизм книги «Мать» — надрывный и отнюдь не большевистски пасторальный (особенно учитывая отсутствие хеппи-энда, а также год написания произведения). В условиях, когда любая инициатива людей кажется невозможной и обречённой — герои романа встречают колоссальные препятствия, но всё же — ценой неимоверных усилий — отчасти добиваются роста общественного самосознания и низовой самоорганизации людей — при том, что до революции ещё далеко. Эта практика — прабабушка общественных практик современности (таких, как, к примеру, протестные движения), и уже хотя бы поэтому знакомство с ней интересно и потенциально полезно.

Р.Барт «Мифологии» (1950-е гг.) Этот сборник философских статей в высшей степени злободневен в условиях современной России. Хотя бы потому, что он позволяет увидеть сам механизм мифологизации реальности — как политической идеологией, так и рыночной экономикой. Простые и привычные вещи, действия и убеждения поворачиваются под углом бартовского анализа так, что становится очевидной их ангажированность мифом. Во многом понимание такого рода мифологий позволяет нам понять, почему мы (и наши соседи по подъезду, улице и так далее) думаем так, а не иначе — скажем, по поводу патриотизма или брака, имперскости или оппозиционности. Сообщая нам способы расшифровывать мифы, Барт фактически вручает нам в руки оружие для самообороны, а также — микроскоп — для понимания природы господствующих вокруг эпидемий тех или иных представлений. При том, что тексты в этом сборнике носят преимущественно философский характер, чтение их не становится проблемой даже для не специалиста, так как Барт анализирует мифологию современного капиталистического общества на простых и привычных примерах — скажем, на примере игрушек или лица Греты Гарбо, тавтологии или кулинарии, стриптиза или астрологии, пластмассы или автомобилей. И в этом смысле чтение этих текстов становится не просто полезным стратегически, но и увлекательным.

Л.Н. Толстой «Воскресение» (1889-1899гг.). Книга в высшей степени знаменательная и, увы, пронзительно современная. В ней вы найдёте не только нетривиальный сюжет, необычайную историю становления личности и глубокую психологическую картину отношений внутри иерархически-патриархального российского общества, но также и радикально-саркастическую критику устройства авторитарных государственных институтов — таких, как суд, полиция, армия, тюрьма. Особенно актуальной эту критику делает то, что перечисленные институты в современном мире вновь существуют в том же виде, что и при Толстом. Равным образом он обличает и видимость благородства аристократии, её нравственных устоев и стиля жизни.

Именно сегодня, когда так популярно сокрушаться о «погубленном цвете нации» — необычен ракурс, предлагаемый Толстым — ракурс, с которого видно, сколь надуманны эти стенания на фоне того, о чём сегодня говорить совсем не принято. А именно — на фоне того, сколько людей — представителей тех же «голубых кровей» (и, разумеется, не только их) — было погублено в стенах тюрем, казематов, на каторгах, в острогах, на виселицах и так далее. Политические «преступники» и заключённые — те, кто не боялся жертвовать не только своей собственностью, но и своей жизнью — ради справедливости и благосостояния народа (а не только своего привилегированного класса благородных аристократов), ради доступности для него медицины и образования, социальной защищённости и свободы труда — вот, с точки зрения Толстого, те люди, которые достойны звания «цвета нации», а точнее, общества; те люди, о гибели которых никто, тем не менее, не сокрушается сегодня, хотя их жертва многократно больше и неизмеримо тяжелее жертвы легитимных «страстотерпцев». Народнический пафос «Воскресения» звучит в унисон современным метаморфозам российского общества — реформам образования и здравоохранения, введению цензуры и отдела по экстремизму, увеличению числа политических заключённых и всё большему расслоению общества на господ и «плебс».

Ч.Паланик «Бойцовский клуб» (1996 г.). Сложно найти человека, который не читал эту книгу. И всё же мы упомянем и её. Хотя бы потому, что она повествует о персонаже, начавшем революцию с радикального переворота в себе самом, — с переворота, который может стать единственным надёжным основанием всех последующих социальных перемен, и при этом — доступен каждому. В самом деле, можем ли мы способствовать изменению репрессивной окружающей реальности, если сами — часто втайне от себя самих — зависим от её безмерного количества соблазнительных благ и наркотиков? Иными словами, «Бойцовский клуб» мотивирует и вдохновляет — и как притча об одиночестве и пути к себе, и как агитация за радикальные тактики сопротивления диктатуре потребления, и как обличение бесполезного и разрушительного устройства инертного современного общества.

П. Гелдерлоос «Анархия работает» (2008 г.). Книжка из новинок. Прочитать её стоит всем, кто хоть как-то связан с общественной деятельностью и\или с изучением общества. Несомненная ценность её состоит, прежде всего, в том, что она представляет собой, скорее, не критический анализ, а подробное фактологическое повествование о победах альтернативных типов общественной организации по низовому принципу, а также о длительном успешном и гармоничном существовании обществ, не знавших ни рыночной экономики, ни патриархальных отношений, ни «традиционной» семьи, ни даже государства. На конкретных географических и исторических примерах — подобно Кропоткину — Гелдерлоос доказывает, что существующая общественная модель, господствующая повсеместно на сегодняшний день — лишь один из вариантов (и при том один из худших и самых разрушительных вариантов) общественного бытия.

Короче говоря, книга эта крайне увлекательна, убедительна и читается на одном дыхании — несмотря на весь представленный в ней исторический пласт. Вариативность общественных отношений, экономик, гендерных идентичностей и форм миропонимания, приводимых Гелдерлоосом, по-настоящему впечатляет. А значит, вдохновляет на борьбу, потому что когда ты узнаёшь, что король на самом деле голый, как-то проще верить в победы, друг в друга, в людей и в то, во что нас так долго отучали верить в этом «лучшем из миров».

Э.Фромм «О неповиновении и другие эссе» (1981 г.). Этот небольшой сборник статей представляет собой реабилитацию сомнения, непокорности, неповиновения, протеста — как живых и потенциально созидательных свойств и тенденций состоявшейся или находящейся в процессе становления личности. Фромм критикует диктатуру «нормального» и легитимного образа покорного конформиста — не мыслящего, и потому согласного со всем — даже если в репрессирующем его дискурсе множество противоречий. Он также анализирует условия, при которых протест носит наиболее конструктивный характер. И с этими размышлениями особенно интересно было бы познакомиться активистам современных протестных движений. Не менее интересен анализ Фроммом «гуманистического социализма» — то есть социализма в том виде, в каком он ещё не известен истории, но в каком он до сих пор не без оснований ищет быть реализованным.

подготовил **Арсений Тихонов**

весь трепет жизни

Свобода дышит, где хочет — несмотря на то, что пока мы практически нигде не встречали её в чистом виде. Книжные воплощения свободы в каком-то смысле почти также важны, как и социально практические. Потому что именно через слова и страницы воля, подобно хлебу, вызревает, прорастает в жизнь.

Детство человечества прошло без государственного ярма. Понятия свободы и равенства не были тогда филигранно отточены (это чаще даётся горьким опытом), но солидарность и взаимопомощь определяли норму социального бытия. Память об этом времени дошла до той поры, когда могла быть письменно зафиксирована. Так, предания североамериканских индейцев вдохновили Лонгфелло на написание «Песни о Гайавате», которую ему не удалось испортить даже клерикально-колониалистским эпилогом. Нартский эпос осетин, абхазов и других северокавказских народов был записан и без литераторской обработки. А «Сага о Ньяле», «Сага о Гисли» и другие родовые саги (едва ли не большая часть их уже переведена на русский) ярко рисуют зарю истории Исландии — страны, никогда не имевшей ни своих королей, ни армии. Галереями могучих характеров поражают все эти произведения, а жестокости в них куда меньше, чем в наскальных стелах всяких там фараонов или в военно-аристократических эпопеях.

Пульс свободной мысли, кажется, не затихал никогда. В древности он находил своё выражение в философии даосов на Востоке (Лао-цзы, Чжуан-цзы) и киников на Западе. Фрагменты сочинений киников и истории из их жизни, подчас напоминающие байки о панках, наиболее полно собраны Наховым в «Антологии кинизма». В средние века удивительным раскрепощением дышала поэзия вагантов.

Но ведь всё это, как утверждают, «было давно и неправда». Нас растили на XIX веке, да и то тщательно подстриженном. Школьников нынче больше не радуют ехидными и блестящими статьями Писарева (а чего стоит одна «Бедная русская мысль»; ну, или «Наша университетская наука»). «Война и мир», необъятная как океан, полностью заслонила динамичный и стремительный роман того же Льва Толстого «Воскресение». Скоро, наверное, его и вовсе сочтут экстремистским за разжигание ненависти к судьям и попам. Подавно не проходят в школе Степняка-Кравчинского. Столь же твёрдо, как Толстой, он ненавидел государство, а вот непротивленцем отнюдь не был — даже шефа жандармов заколол. Свой опыт нелегальной жизни, любви и борьбы, соприкосновения со смертью он отразил в романе «Андрей Кожухов». В документальной повести «Подпольная Россия» Кравчинский рассказал о своих товарищах. Каждый портретный очерк здесь — словно живая встреча. Среди героев книги — и Пётр Кропоткин, сам рассказавший о своей судьбе (в «Записках революционера») и взглядах (лучше всего, кажется, в «Современной науке и анархии»).

Небывалый взлёт освободительной энергии, посетивший нашу страну в 1920-е, поныне заражает нас со страниц романа «Иприт» Вс.Иванова и Шкловского. Как и романа Платонова «Чевенгур», который является утопией не в меньшей степени, чем антиутопией. Чем чреват отказ от свободы, — об этом в XX веке писали много: Замятин («Мы»), Хаксли («Прекрасный новый мир»), Оруэлл («1984»), Ефремов («Час быка»). Тот же Ефремов в «Туманности Андромеды» развернул завораживающую картину вольного будущего, — картину, перекликающуюся и с более ранней «Красной звездой» Богданова, и с более поздними «Обездоленными» (часто переводят как «Обделённые») Ле Гуин. Ну, у Ле Гуин, кажется, всё бы прочесть, — да сам не успел и даже перечислить сейчас не успею...

На нынешнем рубеже тысячелетий либертарная социальная мысль всё чаще пересекается с мыслью экзистенциальной. И если попы трясут перед нами «духовностью», выдавая её за свою старую портянку, то нам пора решительно отнять у них монополию на это понятие. Ещё отважный атеист Камю в «Бунтующем человеке» показал, что этический импульс способен к разрыву с традицией. Наша современница Наталья Васильева, известная также как Ниэнна, в своей «Чёрной Книге Арды», наоборот, исходит из традиции, но хорошо забытой — гностической, прославляющей борьбу мира против деспота-творца. (Некоторый интерес представляют и варианты «Чёрной Книги», написанные с участием Ниэнны Натальей Некрасовой, она же Иллет.) Исабель Альенде в романе «Дом духов» совмещает освободительные идеи и феминизм с космизмом и парапсихологией. Интерес практикующего революционера Субкоманданте Маркоса («Другая революция» и «Четвёртая мировая война» вышли на русском языке) к индейской мифологии тоже, наверное, носит не только этнографический характер.

Мы, кажется, и начинали с древних индейцев?.. Свободные существа, очень разные, всегда способны найти между собой что-то общее. Как написал поэт-либертарий Максимилиан Волошин: «Весь трепет жизни всех веков и рас // Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас».

Александр Малиновский

Литература зовёт. Москва, митинг в защиту политзаключённых 26 июля 2012 г. Фото: anatrrra

О нужных книгах и активности человеческой

Человек, как известно, формируется как изнутри, так и извне — на его личность влияют и самостоятельные процессы внутри мозга, и события, происходящие в окружающей, так сказать, среде.

Естественно, в первую очередь внешние события — это общение с людьми, находящимися рядом. Прежде всего это родственники, друзья детства, одноклассники и так далее. И это всё, конечно, хорошо, но всё-таки они принадлежат к одному кругу, обычно к одной социальной страте. «Близкие люди» чаще всего ретранслируют те мысли, шаблоны и стереотипы, которые приняты в этом круге. Хорошие они или плохие — неважно. Важно, что они некритически воспроизводятся.

Поэтому во все времена было важно иметь некие инструменты переноса мыслей из одного сложившегося круга людей в другой. Последнюю пару тысяч лет такими средствами слома стереотипов служат книги.

Ведь когда ты читаешь книгу, то выламываешься за пределы окружающей тебя реальности и как бы разговариваешь с человеком, который далеко отстоит от тебя во времени и в пространстве, и у которого совсем другие шаблоны в голове. Это и позволяет книгам стать «проводником в иной мир», а нам помогает не закиснуть в болоте повседневности и всегда знать, что этот самый иной мир возможен.

Кстати, под словом «книги» я имею в виду, в общем-то, тексты, перенесённые через пространство и время, а не конкретные изделия из бумаги, ниток и клея.

Сложно сказать, какие книги вдохновляют на общественную борьбу. На память сразу, конечно, приходит Высоцкий с его «Если в жарком бою испытал, что почём, значит нужные книги ты в детстве читал». Каковы эти «нужные книги»? И что такое, кстати, «общественная борьба»? Мне кажется, что нужно говорить о более глобальных вещах: о книгах, которые убеждают читателя в том, что в мире есть добро и зло, и что на их противостояние нужно как-то реагировать. Наверное, можно и «общественной борьбой» это назвать.

Я могу себя назвать гражданским активным человеком. Я анархо-коммунист, антифашист, стараюсь распространять рациональное знание и противостоять невежеству. Итак, попытаюсь вспомнить, какие книги поспособствовали тому, что я стал тем, кем я стал сейчас.

В первую очередь, это советская научно-популярная литература — начиная от хрестоматий по истории и заканчивая книжками типа «Занимательная физика». Не являясь фанатом СССР, тем не менее, я признаю, что там была создана великая школа популяризации науки. Эти книги формировали во мне осознание того, что всё в мире можно объяснить рациональными причинами, и что смысл человеческого бытия — в познании. Благородная идея любопытного Homo Sapiens, познающего Вселенную, слабо совместима с обывательским образом жизни, и уже только этим способствует тому, чтобы человек в будущем стал активным. Кроме того, те же книжки по истории показывали, как в разные эпохи и на разных континентах воспроизводились одни и те же процессы установления социального неравенства. Это тоже важно — знать, что ситуация в твоей стране не является единичным случаем, а значит, можно воспользоваться всем наработанным интеллектуальным опытом человечества.

Кроме того, это лучшие образцы советской фантастики — в первую очередь Владислав Крапивин и братья Стругацкие. Крапивин мастерски показывает несправедливость, и как остро на неё должен реагировать нормальный человек. Сопереживание героям Крапивина заставляет и самого читателя в своей жизни регулярно задумываться — а как бы поступил тот или иной персонаж? Достоин ли я его? Первым делом мне вспоминается трилогия «Острова и капитаны» и первые повести цикла «В глубине великого Кристалла».

Что же касается романов Стругацких, то они, конечно, более «взрослые», чем крапивинские тексты. Здесь упор больше не на эмоциональную реакцию на несправедливость, а на глубокий анализ сложных этических конфликтов. Но с Крапивиным их роднит наличие в хорошем смысле положительных персонажей — людей, на которых хочется походить. При этом интересно, что, хотя Стругацкие помещают своих персонажей в коммунистическое будущее, где экономические и политические проблемы уже решены, тем не менее, проблемы этические никуда не деваются. Это даёт здоровое понимание того, что идеальное общество без каких-либо конфликтов недостижимо, да оно и не нужно, ибо это было бы общество мертвецов. Но зато начинаешь хорошо понимать, насколько иррационально устроен современный мир, в котором на первом месте стоит погоня за прибылью у одних и ежедневная борьба за кусок хлеба у других. И вот тебе уже хочется что-то сделать для того, чтобы человечество поскорее уже занялось какими-то более интересными вещами. Для начала рекомендую прочитать «Понедельник начинается в субботу», «Трудно быть богом» и «Обитаемый остров», ну а затем и весь цикл «Полдень, XXII век».

Ну и наконец, последняя из тех книг, о которых хочу сказать — это «Властелин Колец» Дж.Р.Р. Толкина. Масштабная драма, о которой в одном абзаце, конечно, не расскажешь. Что важно — это чёткое разделение в ней добра и зла. Понятно, что в реальном мире существуют нюансы, градиенты и полутона. Но тем не менее, во многих ситуациях нужно делать выбор и понимать, что вот на этой стороне правда, а вот на этой — зло, ложь, деградация. И вот «Властелин колец» как раз учит этому. Дополнительно он содержит много полезных «прививок» для активного человека: настойчиво проводимую мысль о том, что «власть развращает», тезис о важности каждой личности, даже самой «маленькой» с точки зрения иерархий, идею противостояния любым попыткам передать управление людьми безличным машинам. И наконец, это просто великая книга, чрезвычайно интересная и одна из самых важных для понимания вообще всей литературы XX века. Так что — приятного чтения!

Андрей Ушаков

СВОБОДУ ПОЛИТ ЗАКЛЮЧЁННЫМ

